

"Это самое паскудное — относиться к смерти как к работе"

Пятидневная война закончилась, и уже можно подводить какие-то промежуточные итоги. По словам заместителя начальника Генерального штаба Анатолия Ноговицына, потери Российской армии составили 74 человека погибшими, 171 ранеными и 19 без вести пропавшими. Цифры, на мой взгляд, близки к точным. Много это или мало за величие России и отсутствие НАТО в подбрюшье? Не знаю. Судите сами.

Цхинвали лежит в чаше между гор темным мертвым пятном. Даже издалека видно, насколько он разрушен и сожжен. Говорят, вчера горело все. Кое-где еще падает и до сих пор.

Спрашиваю, где стоят миротворцы и журналисты. Никто не знает. Только доехали до подбитых танков, как заработала артиллерия. Снаряды упали километрах в полтора. Началась интенсивная стрельба.

— Сваливаем отсюда, — это Жорик, водитель.

Запрыгнули в его «таблетку». Свалили... на соседнюю улицу. К нему домой.

Дом более-менее цел. Правда, без окон и осколками побит. Сам Жорик ночует у соседа — у того подвал есть.

У соседа только подвал и остался. Две ракеты: одна во дворик, вторая в дом. Дом до сих пор тлеет — потолок раскален, жар пригибает к земле. В свете зажигалки спускаемся по ступеням. Подвал — так, не подвал, кладовка. Все заставлено банками с компотом — по местным меркам, просто богатство. Воды в городе нет — трубопровод перебит, из него ровным мощным водопадом льет вода. Холодная вода, вкусная... Хочется пить уже.

Между банок топчан с матрасом на одного человека, столик и свечка.

— Добрый вечер, — здороваюсь.

— Да какой он добрый... Что наделали, сволочи. Весь город вдребезги.

Хозяин — пожилой мужчина лет шестидесяти. Интеллигентный. По-русски говорит свободно и грамотно, в отличие от молодежи.

Предлагают остаться, но решаю все же идти искать миротворцев. Даю Жорику денег — бензин же тебе понадобится, заправишься. Он не берет. Но видно, что растроган, по-моему, сейчас прослезится. Оставляю деньги на скамейке и ухожу, обещаю, что если не найду ничего, вернусь к ним.

У танков взвод ополченцев. Рассказывают, что один подбили осетины, второй командующий миротворцев.

— Эй, Аркан, вот грузинский танкист! — показывают ногой. — Их тут собаки жрут. Будешь снимать?

Никогда не любил охотников за трупами. Не надо изгаляться над смертью. Я не пережил всего этого. Имею ли право? Но в итоге решаю все же снимать. В конце-концов я приехал именно за этим. Морализировать можно и в Москве. Делаю несколько кадров. В свете вспышки еще можно различить человеческую грудь без ничего. Красная прожаренная кожа обтягивает ребра.

Дальше в город идти не советуют — взяли-то его взяли, но окончательной зачистки еще не было. Аланы предлагают остаться с ними. Пожалуй, самое оптимальное решение. Но стоит все же еще раз проверить ворота с эмблемой миротворцев в ста метрах отсюда.

На крыльце человек десять офицеров. Сразу натыкаюсь на Владимира Иванова, пресс-секретаря миротворческих сил. Уставший донельзя человек. Записывает меня в свою тетрадку.

Отводят в столовую. Здесь обитают еще человек десять прессы. Дают тарелку гречневой каши с мясом и яйцо. Подсаживаюсь за столик к майору, такому же измотанному вдребезги.

— Много погибших?

— Много.

— Сколько?

Он жмется:

— Батальона больше нет...

— Ну сколько? Десятки? Сотни?

— Десятки. Две БМП стояли на улице. У них был приказ огня не открывать. Сожгли. Там человек двадцать пять было. И потом еще...

Спать устраиваюсь на полу. Холодно, но помещение надежное — над головой бетонные перекрытия и стены прочные. Беспокоит окно — при разрыве осколками стекла может сильно порезать. Присмотревшись, замечаю, что никаких стекол здесь давно уже нет.

С утра Владимир везет группу журналистов снимать Цхинвали. Несколько точек — погибшие мирные жители, разрушения города, больница с ранеными, раздача воды российской армией. Наш ответ Чемберлену, в общем.

На повороте двое осетинских ополченцев жгут труп убитого грузина. Мышцы-сгибатели сильнее мышц-разгибателей, и, сокращаясь, они выгибают тело дугой. От жара живот убитого раздулся как шар. Человек горит неохотно, и ополченцы подкладывают в огонь ветки. Фотографировать?

А, пошло все к черту... У вас своя работа, у меня своя. Это надо видеть всем. Залезаю на бордюр и снимаю в упор. Крупно. С лицом и всеми подробностями. Красное поджаренное мясо лезет в объектив.

Как-то быстро притупились во мне моральные запреты. Не чувствую абсолютно ничего. Это самое паскудное — относиться к смерти как к работе. Разрушения едем снимать в район 12-й школы. Пять-шесть многоподъездных пятиэтажек на окраине. Обработывали его сначала «градом», потом зашла пехота — женщины рассказывают, как они сидели в подвале, над головами ходили грузины, а они молились только об одном — чтобы не заплакал грудной ребенок. В этом районе погибли восемь человек.

Думаю, что это средний показатель. «Град» дает не столько фугасный, сколько осколочный эффект — дома разрушены сильно, но ни один настолько, чтобы можно было говорить о десятках трупов под завалами. Так что ни о каких тысячах погибших речи быть не может. По моим ощущениям — сто пятьдесят, двести человек. Но никак не тысячи

Я не пытаюсь никого оправдать или выгородить. Расстрел мирного города оружием массового уничтожения — с детьми и женщинами — это преступление. Но я стараюсь быть объективным. Не надо спекулировать погибшими.

Никаких массовых казней и этнической чистки тоже не было. На мирных жителей просто наплевали — сколько погибнет, столько и погибнет, и даже, скорее, чем больше погибнет, тем лучше. Однако в Цхинвали не было даже того, что Россия устроила в Чечне, — никаких фильтропунктов, Чернокозова и ОРБ-2. Возможно, просто не успели. Не знаю.

Как не было массовых казней и резни грузин на следующий день на Транскаме. Это тоже факт. Хотя разграбили и сожгли там все подчистую.

При том — да, три завязанные узлом простыни с расстрелянными и сожженными женщинами. Да, подвал, где прятались люди и в который сверху, со ступенек, стреляли грузины. Да, труп 18-летнего парня в гараже, застреленного снайпером, — он не мог не видеть, в кого стрелял. Да, раздавленная танком в лепешку «девятка». Да, метровые осколки «града» рассыпью...

Эта война из серии тех, в которых правых не бывает по определению. Все три стороны оказались достойны друг друга.

На обратном пути едем мимо разбитого батальона миротворцев. Те сожженные БМП так и стоят. Не две-три. Прошу Владимира остановиться. Он морщится: «Чего их снимать... По всем каналам показывали уже». Я его понимаю. Владимир — хороший, открытый человек, просто работа у него такая. Объективное освещение событий командованию не очень нужно. Нужна агитка — агрессия грузин, погибшие дети, разрушенный город. Разговоры о том, что 58-я вошла всего одним батальоном походной колонной, не приветствуются. Количество погибших не называется. Нашу сожженную технику снимать не рекомендуется. Трупы грузинских военных тоже.

Корреспондентов Первого канала интересуют склады с трупами мирных жителей. Лучше — детей. Сопровождающая нас осетинская журналистка взрывается: «Перестаньте нести чушь! Какие трупы? Всех забирают к себе родственники и хоронят! Не смейте больше говорить про трупы!» Под стеной школы лежит еще один грузинский солдат. Тело вздулось, голова, грудь и плечи от жары стали совсем черными. Запах уже просто невыносим.

На соседней улице еще один — рядом с очередным сожженным танком. Голова расколота, и на нее надет целлофановый пакет — чтобы не смотреть. Неподдалеку еще тел пять — их по очереди обыскивает какой-то человек, отвернув голову и зажав нос рукой. Достает документы.

Дальше еще один. А потом сожженные танкисты на площади. Там уже много народу — как солдат, так и ополченцев. Фотографируются. Снимаю, уже не церемонясь, с разных ракурсов. Не чувствую уже вообще ничего. Плевать.

Всего за этот день насчитал около тридцати трупов. Судя по запаху, в роще лежит еще столько же.

Раскуроченная техника. Сожженные дома. Больница забита людьми. Дети в грузовиках. Жорик в подвале. Сожженные женщины в кульках. Труп в гараже. Труп в танке. Горящий труп грузина. Двадцать пять сгоревших заживо в бѣхах солдат. Черт, ну почему все время сгоревшие? Запах человечины. Жара. Пыль. Воды бы... Россия воюет с Грузией. В каком страшном сне это вообще могло когда-нибудь присниться? Прыгаю на броню с ямадаевцами и еду на зачистку.

Под танковым огнем я был впервые в жизни. Это страшно. Снаряды ложились в двадцати метрах, и негде спрятаться. Представляю, что чувствовали дети в Цхинвали. Представляю, что чувствуют дети в Гори — вон его сейчас как раз бомбят. И всю ночь бомбили.

У России был только один вариант — войти, разблокировать своих миротворцев, стать миротворческими силами по границе и на этом: «стоп-колеса!» Зачем пошли в Грузию? Зачем бомбили Гори? И самое главное — за каким на эту войну опять понагнали пацанов?

Армия заявляет, что в Осетию вошли одни контрактники. Вранье! Две трети контрактников — отслужившие по полгода сопляки-мальчишки. А треть примерно — вообще просто срочники. Что они могут? Почему в Земо-Никози был захвачен прибор лазерного наведения ракет, почему у грузинской армии стоят глушилки мобильной связи, почему у корректировщика был пеленгатор мобильных телефонов, почему у них были инициаторы — даже выключенные мобильники включались сами собой, и по этому месту тут же начинала бить артиллерия — а мы опять воюем одним восемнадцатилетним мясом? Почему из двух «шишиг» в медсанбате на ходу была только одна, а вторую таскали на тросе? Раненых не могли отправить шесть часов. Шесть часов! Все это время они парились при плюс тридцати в «шишигах» без воды — до тех пор, пока дело в свои руки не взяли ямадаевцы. При том, что ехать-то всего пять — семь километров!

Почему не было разведки? Почему в это Земо-Никози заскочили дуриком, походной колонной, как Майкопская бригада 13 лет назад на привокзальную площадь Грозного — заблудились просто? Почему не было связи между частями? Почему не было общего командования? Почему?

И почему, черт возьми, элементарно не было воды?

Из боя начинают таскать раненых. Один обожжен. Просит курить и пить. Прикуриваю сигарету и вставляю ему в губы. С водой сложнее. У второго в руке тонкая щель сантиметров семь длиной. Перебита артерия. Кровь идет сгустками. Запах у нее такой... Третьего несут — ноги перебиты. Четвертый... Четвертому здоровый осколок ударил в грудь, рассек плоть и чуть не дошел до легкого. Огромная зияющая дыра. Красное мясо. Но парень идет сам — в шоке еще — и легкое, кажется, не задето. Повезло.

Рваные сгоревшие танкисты в плащ-палатках на броне...

Грузия решила, что Осетия должна быть в составе Грузии. Грузинские мужики взяли автоматы и пошли воевать за свою Родину.

Осетия решила, что она не должна быть в составе Грузии. Осетинские мужики взяли автоматы и пошли воевать за свою Родину.

И только Россия опять послала на войну своих мальчишек.

Вода, вода, вода... Жара не такая угнетающая, как в Чечне, но градусов под тридцать все же. Солнце в зените. В арыке мутная грязная жидкость. Вверх по течению коровник. В воде валяется труп теленка. А, по фигу уже. Пьем из арыка, заполняем бачки и баклажки. Надо было все же взять у медиков обеззараживающие таблетки.

По дороге в Гори останавливаемся у каждой лужи. Пехота, как муравьи, сыплется с брони и припадает к водопою. В лужах вода такая же — смесь глины и земли.

Двоих пленных резервистов кладут лицом вниз и связывают руки. Подхожу.

— Ребят, что с ними делать будете?

— В КамАЗ грузить будэм! Груз-200 делать будэм!

Черт... Только этого не хватало. Иду к Ямадаеву.

— Сулим, прошу тебя, не режь их...

— Ты что, с ума сошел? Кто их резать собирается? — видно, что он ошарашен моей просьбой.

Возвращаюсь к пленным. Те смотрят, как затравленные собаки:

— Что, умирать будем?

— Нет.

— Что, поживем еще?

— Да. Поживете.

Пленные — обычные крестьяне. Одного взяли около убитого корректировщика — вроде как охранник, но вояка из него никакой, сразу видно. Второй вообще шел вдрабадан пьяный по селу с гранатой и орал, что Саакашвили дурак. От холода пленных колотит. Им приносят спальники и укрывают ими на ночь. При том, что спальников не хватает самим. Дают еду, сигареты, воду. Ночь они проводят развязанными и укутанными. Никто их ни разу не ударил.

Пропаганда насчет того, что русские мародерничают, а чеченцы режут головы всем подряд — такое же вранье, но уже с другой стороны. Российская армия вела себя по отношению к мирным жителям крайне корректно. Отношение к пленным — точно такое же, как в самом начале первой Чечни. Живут с нами, едят то же, что и мы, имеют все то же, что и мы. Ненависти еще нет. Надо заканчивать всю эту байдю, пока она не появилась. Тогда ее уже не остановить.

Марш на Гори прошел без единого выстрела. Хотя первая часть колонны добралась сюда с боем, выбив на подступах батальон грузин. Те пытались обойти с тыла на нескольких джипах, но были расстреляны выдвинувшимися им на перехват БМП. Сожженные грузовики стоят на дороге. Кругом валяются трупы. Опять горелая человечина. Один совсем молодой, года двадцать два — двадцать три. Руки подтянуты к груди. Детская поза какая-то. В натовской форме он напоминает игрушечного солдата. Другой в канаве лицом вниз. У третьего из обугленного тела торчат раздробленные ноги. Как гриль.

В сам Гори армия не зашла. Стала километрах в двух-трех в садах, около какого-то селения. Дома никто не грабит, кровь младенцев не пьет. В село не заходят.

В этих же садах вчера накрыли большую колонну с резервистами. Говорят, машин пятьдесят. Сколько людей — не знаю. Фотографировать уже не иду. Хватит с меня. Перебор.

Ощущение, что война закончилась, абсолютное. Уйдет Саакашвили или не уйдет — уже не важно. До Гори 10 минут ходу, и при необходимости он будет взят без проблем. Российская армия воюет на порядок лучше.

Люди спокойны, готовы и воевать могут. Грузины хороши в техническом оснащении, но в моральном плане они проигрывают. Видимо, потому, что цель этой войны понимают не до конца. Не готовы умирать за Саакашвили. Как только противник сближается на расстояние контакта, они отступают.

Точно так же очевидно, что Россия избрала новую тактику — тактику прямой жесткой силы. Как в Афгане. На выстрел из села по нему начинает работать авиация и артиллерия. С такой политикой Грузию мы теряем все больше. Как Грузия все больше теряет Осетию и Абхазию.

С каждым новым президентом у нас начинается новая маленькая победоносная война. Может, и впрямь — ну их на фиг, эти выборы?

В вертолете пятеро раненых. Это плюс к тем восьмерым, что отправили вчера. Итого уже тринадцать. Танкисты привезли с собой на броне сожженный экипаж — два трупа, укрытые плащ-палатками. Из-под них торчат берцы.

Еще троих приносит пехота. Поток воздуха от винта срывает покрывала. Черт... Опять горелая человечина. Из нее торчат кости рук и ног. На руках даже не кости, скорее, косточки — они, оказывается, маленькие такие.

Этих троих сожгли из «мухи». Они успели выскочить из подбитой бэхи и уже отбежали в сады, когда их накрыло прямым попаданием. Один сохранился лучше — на черном комке угля до одури ярко блестят белые зубы. От второго осталось метра полтора — спекшийся комок. Где рука, где голова — различить невозможно.

Третий вообще завернут в кулек.

Берцы колышутся в такт движениям машины. Не могу смотреть больше на берцы.

Вместе с трупами в вертушку залетает рой мух. Одна все время крутится перед объективом и мешает фотографировать горящие грузинские села на Транскаме.

И запах... Жаль, что его нельзя передать в газете. Сейчас, когда я пишу этот текст, штаны мои заляпаны кровью раненых, а от формы разит горелым мясом. Этот запах невероятно вьедлив — в гражданском самолете на меня смотрели. Но описать его я не смогу. Хотя и хотел бы, чтобы его почувствовали все те, кто говорит о величии России. Чтобы чувствовали его потом везде — в заваренном чае, в сигарете, в пальцах, которые ее держат, в стакане водки, в зубной пасте, в волосах своего ребенка...

Я всегда мечтал писать детские сказки, но уже девятый год пишу о том, как пахнут вздувшиеся трупы в жару на улицах разрушенного города.

Смотрю на эти трупы — наши трупы, наших мальчишек — и вдруг ловлю себя на мысли, что это не такая уж и большая цена за победу. Ведь мы же победили. Парни дрались героически. Они молодцы.

Самое страшное, что я действительно так думаю! Мне не страшно. Я не схожу с ума. Не посыпаю голову пеплом. Да, не повезло... Что ж поделать. Но зато мы победили. Мы победили!

Нет, ну правда, девять горелых комков в день — это же не много за то, чтобы стать с колен? Не пустить американцев в Грузию. Вы согласны?

Накрыло уже дома. Через два дня. Как-то вдруг сразу, одновременно. Потерял ориентацию в пространстве, перестал осознавать кто я. Замедлилась речь, пропало периферическое зрение, ушла ясность сознания. Накатывало волнами. Как доехал, не помню. Где ехал — не понимал.

И ведь главное — не контузило же. Вроде.

— 3-з-дра... Здра-австуйте... Я-я-я... Я-я-я... Я не пил! Вот. Я не могу сейчас го-о-о... Ворить! Мне не-не-не... не бо-о-ольно... Я не пи-ил...

Вот придурок, прости господи.

И потом еще. В закускойной. Встретились с другом. Заказали пива и котлет по-киевски. Принесли. Котлеты хорошие. Из обжаренного мяса косточка торчит...

Дома снял штаны. Впервые за четыре дня. Твою мать! Второй осколок прошел по касательной по левому колену, оставив две борозды миллиметра в два глубиной. Везучий я все-таки человек: словил два осколка от танковых снарядов — и оба по касательной. Один в десяти сантиметрах от паха, второй точно по колену. С

таким везением да в казино.

В России 140 миллионов человек. Интересно, кто-нибудь из них когда-нибудь побывает в благословенном пророссийском теперь эдеме Земо-Никози, за который отдано девять русских жизней?

Автор: Аркадий Бабченко © Новая газета СТРАНА, РОССИЯ 👁 8035 21.08.2008, 21:36 📄 784

URL: <https://babr24.com/?ADE=47119> Bytes: 17732 / 17732 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["ОСЕТИНО-ГРУЗИНСКАЯ ВОЙНА"](#)

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Аркадий
Бабченко.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)